

DOI 10.15393/j10.art.2016.2802

Ирина Святославовна Андрианова

*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией филологического факультета
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

«Я ПРИШЛА РАБОТАТЬ, А НЕ ДЛЯ ЗНАКОМСТВА»: ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ И АННА СНИТКИНА*

Аннотация. 150 лет назад — 4 октября (17 октября) 1866 года — стенографистка Анна Сниткина пришла на работу к писателю Достоевскому. Так состоялось судьбоносное знакомство, которое переросло в счастливое замужество и успешное творческое сотрудничество. Сюжет знакомства Федора Достоевского и Анны Сниткиной популярен в искусстве и литературе: он нашел отражение в биографических исследованиях, беллетристике, драматургии, кинематографе. В основе данной публикации — результаты изучения творческого процесса создания воспоминаний А. Г. Достоевской о знакомстве с писателем и об их совместной работе над романом «Игрок». Автор статьи предпринял текстологическое исследование сохранившихся редакций и черновых вариантов воспоминаний об этом биографическом периоде Достоевского и его невесты, провел их сопоставление с записями стенографического дневника 1867 года. В результате выявлены и проанализированы автоцензурные поправки и отрывки, не вошедшие по воле мемуаристки в последнюю редакцию воспоминаний. Эти фрагменты из чернового автографа близки к записям стенографического дневника, обладающего большей фактографической точностью, чем мемуары. Они достоверно передают обстоятельства и атмосферу знакомства Федора Достоевского и Анны Сниткиной, их работу, проблемы общения, особенности характеров, привычки, вкусы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, воспоминания, знакомство, стенография, варианты, редакции

30 августа (11 сентября) 2016 года исполнилось 170 лет со дня рождения Анны Григорьевны Достоевской. Она была преданной женой-соратницей, помогавшей Достоевскому в создании большей части его литературного наследия и безоговорочно верившей в грядущее бессмертие его идей и произведений. Выдающаяся женщина сама многое сделала для этого бессмертия, для мировой славы Достоевского¹. Безусловно, знакомство Федора Достоевского и Анны Сниткиной, состоявшееся 150 лет назад, стало судьбоносным для писателя.

История появления в жизни Достоевского Анны Григорьевны в общих чертах известна любителям его творчества. 4 октября 1866 года в квартиру одинокого и неустроенного человека, бывшего каторжника, писателя, отягощенного долгами, пришла робкая и серьезная 20-летняя девушка. Мечтавшая о самостоятельном заработке, она была приглашена к Достоевскому в качестве стенографистки-помощницы. Благодаря их слаженной работе удалось маловероятное: за 26 дней был написан роман «Игрок».

В результате Достоевский избежал потери авторских прав на свои сочинения, что было почти неминуемо по кабальному договору писателя с издателем-спекулянтом Ф. Т. Стелловским.

История знакомства автора «Игрока» и его молодой жены стала семейным преданием, которое воспроизведено в мемуарах их дочери Л. Ф. Достоевской, а позднее — в небольшой публикации внука, А. Ф. Достоевского². Она была на слуху у современников. Так, ее карикатурное изложение под названием «Женитьба романиста» было опубликовано в газете «Сын Отечества» (1867, № 34) через две недели после свадьбы Достоевских. Анонимный фельетонист рассказал о том, как известный романист г-н Х., «немного рассеянный и не отличающийся большой аккуратностью в исполнении обязательств», для написания в кратчайший срок романа пригласил стенографа — и это оказалась «девица, пропитанная насквозь современными идеями, хотя не нигилистка». Согласно карикатурной версии, романист диктовал ей «свой роман, шагая взад и вперед по своему кабинету и беспрестанно расправляя свои длинные волосы, как бы в надежде выжать из них новые мысли. <...> Мысли не шли на ум автору, его длинные волосы уже начинали значительно страдать от этого...». Литературный роман был окончен в срок, а роман его автора и «стенографши» ждало продолжение, а не «развязка, которую в России называют гражданским браком. Напротив, эта чета была обвенчана на днях в местной приходской церкви». Фельетон Анна Григорьевна поместила в свои воспоминания и отметила, что они с мужем посмеялись над ним, а Достоевский «выразил мысль, что <...> дело не обошлось без А. П. Милюкова, хорошо знавшего привычки» писателя: «Диктуя, Федор Михайлович действительно любил прохаживаться по комнате, а в затруднительных случаях теребил свои длинные волосы»³.

В XX–XXI веках история знакомства писателя с будущей женой получила отражение не только в многочисленных биографических исследованиях о Достоевском, но и в беллетристике (романах Н. Гурьевой-Смирновой «Анна Достоевская», Л. Цыпкина «Лето в Бадене» и др.), драматургии (пьесе Э. Радзинского «Старая актриса на роль жены Достоевского», трагифарсе Л. Ицелева «Достоевский, рулетка и женщины», драме В. Юровицкого «Анна Григорьевна»), в сценариях и фильмах (так, судьбоносная встреча писателя и его будущей жены и история создания романа «Игрок» представлены в художественном фильме Александра Зархи «26 дней из жизни Достоевского» (1980) с Анатолием Солоницыным в роли Достоевского и Евгенией Симоновой в роли Неточки Сниткиной). В последние годы этот сюжет был воссоздан в документальном фильме «Анна Достоевская. Письмо мужу» (2010), где роль жены писателя исполнила Ольга Кирсанова-Миропольская, в сериале Владимира Хотиненко «Достоевский» (2011) с Евгением Мироновым в главной роли и Аллой Югановой в роли Анны Григорьевны, а также в фильме Евгения Ташкова «Три женщины Достоевского» (2011), где роль Достоевского исполнил Андрей Ташков, а роль его супруги — Марина Аксенова.

К описанию первой встречи с Достоевским обращалась неоднократно и сама Анна Григорьевна — в стенографическом дневнике и в воспоминаниях. На сегодняшний день существуют три публикации дневника⁴ и выпущен полный текст последней редакции ее мемуаров⁵.

Впервые воспоминания о встрече с Достоевским женой писателя были зафиксированы в *стенографическом дневнике 1867 года*, где спустя год день за днем она восстанавливала обстоятельства прошлого октября⁶. Дневник молодой жены писателя считается наиболее достоверным документом, по сравнению с мемуарами, где фактическая точность подчас не соблюдалась в угоду художественной выразительности. Первый же изначально не задумывался как литературное произведение, рассчитанное на публикацию и гласность.

Далее к рассказу об истории знакомства с мужем Анна Григорьевна вернулась в *раннем мемуарном тексте от 26 мая 1883 года*⁷. Он был написан по просьбе Н. Н. Страхова в качестве фактического материала для его «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском», вышедших в 1-м томе Полного собрания сочинений писателя⁸. На первом листе рукописи рукой Анны Григорьевны поставлена помета: «(Посвящено Н. Н. Страхову)». Критик оценил эти несколько мемуарных страниц Достоевской восторженно: «*Вы написали чудесно, Анна Григорьевна, какъ я въ этомъ и былъ увѣренъ. Мнѣ очень хочется читать дальше. Съ маленькими поправками и пропусками все это можно напечатать и это будутъ самыя живыя и занимательныя страницы перваго тома...*»⁹. Ранний мемуарный текст вдовы писателя был опубликован в 1971 году С. В. Беловым под названием «Первая встреча: Из «Воспоминаний»» в газете «Неделя» (1960–1995) — иллюстрированном приложении к газете «Известия»¹⁰.

Как показал текстологический анализ, работая над собственными мемуарами в 1911–1916 годах, Анна Григорьевна в первую очередь писала главы, посвященные знакомству с Ф. М. Достоевским, женитьбе и семейной жизни молодоженов в Европе (затем — главы о последних годах жизни писателя и автобиографическую часть — о своей жизни до знакомства с Достоевским и после его смерти). При этом вдова Достоевского совершенно переработала ранний мемуарный текст, несмотря на хвалебный отзыв о нем Страхова. Отличия его от глав о знакомстве писателя и стенографистки из т. н. белой рукописи (**БР**)¹¹ при схожести фабулы столь глубоки, что приходится говорить не об их вариантах-разночтениях, а о двух редакциях: встречаются перестановка и полное лексическое и стилистическое изменение предложений и абзацев, изменения сюжетного характера.

В основе *окончательной редакции воспоминаний* о встрече с Достоевским — записи из *двух сохранившихся черновых тетрадей*. Первая из них принадлежит руке самой А. Г. Достоевской (**ЧА**)¹², вторая — ее дочери¹³. Рукопись, сделанная рукой Любови Федоровны, не является точным списком чернового автографа матери, т. к. имеет стилистические разночтения (иногда значительные) с ним. Можно допустить, что, кроме данного чернового

автографа, у Анны Григорьевны была рукопись, с которой ее дочь делала этот список, но она не сохранилась до настоящего времени. Список Любо-ви Федоровны проверен и исправлен автором воспоминаний, это авторизи-рованная копия (*Сп.*). Можно предположить и то, что Анна Григорьевна могла предоставить **ЧА** дочери-писательнице на стилистическую правку, внесение изменений. Это объясняет помету мемуаристки, сделанную на листе рукописи: «*Мои воспоминанія<, > исправленныя и переписанныя Любо-виею Федоровною. Въ ящикъ Сибирск<аго> Банка имѣются мои записки того же содержанія*»¹⁴. **ЧА** ближе к дневниковым записям мемуаристки, *Сп.* — к *БР*.

При анализе разночтений в **ЧА**, *Сп.* и *БР* выявляется, что в ходе работы над текстом воспоминаний Анна Григорьевна внесла большой объем правки. Встречается как смысловая, обусловленная внутренней цензурой, так и литературная, редакторская правка требовательной к себе мемуаристки, качественное совершенствование стиля во имя достижения большей художественной выразительности. Отметим, что поздние варианты — подчас стилистически нейтральные, менее эмоционально-экспрессивные, чем первоначальные. По мнению Л. П. Гроссмана, это связано с тем, что мемуаристка избегает словесной красоты, звучной фразы, у нее нет «претензий на стилистический блеск», а присутствует «большой художественный такт», появившийся после работы с Достоевским» [2, 9].

Большое значение имеет автоцензура А. Г. Достоевской — смысловые изменения, фрагменты, которые были исключены из окончательной редакции ее воспоминаний о знакомстве с писателем. Эти записи содержат ряд ценных фактов и уточнений для биографий и характеров писателя и его спутницы. Обратимся к ним.

«...мнѣ пора самой работать...»

Анна Сниткина принадлежала к первому поколению русских женщин 1860-х годов — культурных, образованных, желающих самостоятельно зарабатывать на жизнь. Она очень гордилась, что ей, еще не окончившей курс стенографии, была предложена работа:

Полагаю, что и для всѣхъ первая самостоятельная работа въ какой либо отрасли имѣеть большое, можетъ быть, даже преувеличенное значеніе. Такое значеніе имѣла и для меня эта первая моя работа (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 2 об.);

Ктому же, мнѣ, по молодости моихъ лѣтъ, хотѣлось похвалиться предѣ моими родственницами тѣмъ, что я уже сама начинаю «заработывать свой хлѣбъ». Онѣ не разъ мнѣ намекали, что мнѣ «легко жить за маминой спиной», что мнѣ пора самой работать; когда же я принялась изучать стенографію, то подсмѣивались надъ моимъ «искусствомъ» и увѣряли, что я только даромъ трачу свое время (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 11—11 об.).

Желание Анны Сниткиной работать у Достоевского было столь велико, что в сокурснице Александре Ивановне И<вановой>¹⁵ она увидела соперницу, способную отнять у нее стенографическую работу:

Волненіе мое было чрезвычайное, мнѣ хотѣлось съ кѣмъ нибудь подѣлиться своею радостью, я не удержалась и рассказала о ней моей только что пришедшей товаркѣ — Александрѣ Ивановнѣ И.

Это была барышня значительно старше меня, очень не глупая, чрезвычайно смѣлая и злая на языкъ и очень способная, но почему-то часто пропускавшая наши лекціи. Узнавъ о предложенной мнѣ работѣ, она была нѣсколько шокирована тѣмъ, что Ольхинъ поручилъ ее мнѣ, а не ей, такъ какъ себя считала лучшей ученицей. Она поздравила меня съ началомъ моей стенографической дѣятельности и принялась разспрашивать, но я отклонила вопросы: я знала, что Ольхинъ не любитъ когда въ его классъ разговариваютъ. За то, по окончаніи лекціи, И. удовлетворила свое любопытство: она такъ подробно разспрашивала меня гдѣ живетъ Достоевскій, въ которомъ часу мнѣ назначено придти, что при этомъ сказать отъ имени Ольхина и пр. и пр., что у меня даже промелькнула нелѣпая мысль, не намѣрена-ли она вмѣсто меня придти завтра къ Достоевскому и такимъ образомъ перебить у меня работу. Это было вполне въ ея характеръ, тѣмъ болѣе, что она считала себя болѣе знающей и была обижена сдѣланнымъ мнѣ предпочтеніемъ. Для Достоевскаго же было-бы безразлично кто изъ стенографовъ захотѣлъ придти къ нему для работы. Возможность подобнаго исхода¹⁾ меня даже испугала. Конечно, мнѣ было бы жаль потерять свою первую работу, но еще обиднѣе было-бы лишиться возможности познакомиться съ Достоевскимъ²⁾. Но я быстро отогнала эту мысль понявъ всю ея нелѣпость (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 3–4).

«Мнѣ было довольно непріятно входить въ этотъ домъ...»

Дом И. М. Алонкина (Столярный переулок, угол Малой Мещанской улицы), в котором снимал квартиру Достоевский, вызвал у стенографистки негативные чувства: *«Мнѣ было довольно непріятно входить въ этотъ домъ: столько тамъ было на улицѣ и въ воротахъ разнаго народу и все такога непригляднаго»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 11 об.). Как ранее она пояснила в дневнике: *«...это был очень большой каменный дом, выходящий на Малую Мещанскую и Столярный переулок с трактиром и с постоем извозчиков, с несколькими пивными лавочками <...> Ворота находились по Малой Мещанской, я вошла, здесь было очень много извозчиков и попадались довольно неприличные хари»* (Дневник, 302–303).

Согласно **ЧА** жены писателя, *«квартира <Достоевского. — И. А.> № 13 находилась во 2^{мб} этажѣ, по невзрачной лѣстницѣ, съ которой въ эту*

¹⁾ Вариант: случая.

²⁾ Далее было: *Къ счастью, мое нелѣпое опасеніе не оправдалось и я потомъ недоумѣвала какъ такая мысль могла зайти въ мою голову.*

минуту, на встрѣчу мнѣ, спускались 2–3 человека довольно подозрительной наружности» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 6–6 об.) (ср. запись дневника: «Я поднялась во 2-й этаж по довольно грязной лестнице, на которой тоже мне попались несколько человек очень неприличных и 2 или 3 жиды» (Дневник, 303)).

Любопытно, что в ранней и поздней редакциях воспоминаний о первой встрече с писателем номера квартиры Достоевского отличаются. В ранней редакции он обозначен как «10» («Поднявшись во второй этажъ, я отыскала № 10 и позвонила»¹⁶), тогда как в *БР* (а также в стенографическом дневнике, *ЧА* и *Сп.*) — «13». Б. Н. Тихомиров в исследовании, посвященном петербургским адресам Достоевского, установил, изучив данные сохранившегося расчетного листа по квартирной плате писателя и адресной книги, что в доме Алонкина Достоевский жил с 20 августа 1864 года по 20 января 1867 года — сначала в квартире под № 36, затем переехал в квартиру № 14. Упомянутую в мемуарах жены писателя «квартиру № 13» исследователь назвал ее ошибкой памяти [5, 68]. Появление «№ 10» в ранней редакции подтверждает, что Анна Григорьевна с течением времени могла забыть номер квартиры писателя в доме Алонкина.

**«У Федосьи всегда былъ на плечахъ
зеленый драдедамовый платокъ...»**

Сложно точно установить возраст служанки Достоевского Федосьи, первой встретившей стенографистку в квартире писателя. В дневнике и в ранней редакции воспоминаний она — «девушка» (НИОР РГБ. Ф. 93.III.5.15. Л. 5), «довольно смазливая» — добавлено в дневнике (Дневник, 303); в *ЧА* — «женщина среднихъ лѣтъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 6 об.); в окончательном варианте — «пожилая служанка»¹⁷. Чем вызвано такое очевидное «состаривание» служанки Достоевского в рукописях воспоминаний: женской ревностью или забывчивостью мемуаристки — неизвестно, это ее работа над текстом.

Федосья в мемуарах жены писателя наделена выразительной деталью — «накинутым на плечи зеленым в клетку платком»¹⁸. Эта деталь впервые появилась не в дневнике, а в *ЧА*: «Я такъ недавно читала “Преступление” и помнила “семейный” клѣтчатый платокъ Мармеладовыхъ, такъ что такой же платокъ служанки Достоевскаго невольно бросился мнѣ въ глаза <...> У Федосьи всегда былъ на плечахъ зеленый драдедамовый платокъ, — тотъ самый, который упоминается въ романѣ “Преступление и Наказание” какъ общій платокъ семьи Мармеладовыхъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 6 об., 110–110 об.). В соответствующем месте стенографического дневника, обладающего большей фактографической точностью, Федосья изображена не в накинутом на плечи «зеленом драдедамовом платке», а в «черном в клетку» платке, «накинутом на голову» (Дневник, 303). Эту художественную деталь мемуаристки, соблюдающей «литературный этикет» («как признак бедности

драдедам встречается у многих писателей» [3, 78–79]), впервые отметил Б. Н. Тихомирров [4, 75].

В **ЧА** встречается описание бытового уклада Достоевского и его служанки, отсутствующее в последней редакции: *«Войдя, онъ <А. Н. Майков. — И. А.> шутиливо замѣтилъ какъ патриархально живетъ Ѳ<еодоръ> М<ихайловичъ>: дверь въ квартиру на половину открыта, прислуги не видно (Ѳедосья всегда была въ лавочкѣ или у сосѣдей и дверь зачастую не запералась. Я очень боялась, что изъ передней унесутъ мое недавно сдѣланное пальто), “хоть весь дом унеси”»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 32).

«...Ѳеодоръ Михайловичъ въ первое наше свиданье»

В первой редакции воспоминаний о знакомстве с писателем Анна Григорьевна дает следующую портретную характеристику Достоевского: *«Наконецъ вошелъ мужчина лѣтъ сорока, средняго роста, нѣсколько сутуловатый и сгорбленный, съ блѣднымъ, больнымъ, изнуреннымъ лицомъ, русый, съ рыжеватою бородой. Поразили меня его глаза: они были разные, — одинъ былъ карій, а въ другомъ зрачокъ былъ чрезвычайно расширенъ»* (НИОР РГБ. Ф. 93.ІІІ.5.15. Л. 6). Здесь он несильно моложе своих истинных 45 лет, перед нами человек измученный, «изнуренный», «сутуловатый и сгорбленный», вызывающий жалость. Именно это острое чувство и вызвал он у героини ранней редакции воспоминаний: *«Я должна сдѣлать одно замѣчаніе: ни одинъ человекъ въ міръ, ни прежде, ни послѣ, не производилъ на меня такого тяжелаго, по истиннѣ удручающаго впечатлѣнія, какое произвелъ на меня Ѳеодоръ Михайловичъ въ первое наше свиданье. Я видѣла предъ собою человѣка страшно несчастнаго, убитаго, замученнаго. Онъ имѣлъ видъ человѣка, у котораго сегодня-вчера умеръ кто либо изъ близкихъ сердцу; человѣка, котораго поразила какая нибудь страшная бѣда. Мнѣ было безконечно жаль его»* (НИОР РГБ. Ф. 93.ІІІ.5.15. Л. 8 об.–9).

В мемуарах 1911–1916 гг. автор создает более выразительный портрет Достоевского: «С первого взгляда Достоевский показался мне довольно старым. Но лишь только заговорил, сейчас же стал моложе, и я подумала, что ему навряд ли более тридцати пяти–семи лет. Он был среднего роста и держался очень прямо. Светло-каштановые, слегка даже рыжеватые, волосы были сильно напояжены и тщательно приглажены. Но что меня поразило, так это его глаза: они были разные: один — карий, в другом зрачок расширен во весь глаз и радужины незаметно»¹⁹. Кажется бы, в общих чертах портрет героя последней версии воспоминаний о знакомстве схож с его изображением в первой (тот же «средний рост», те же разные глаза). Однако в **БР** талантливая мемуаристка добавила портретные штрихи, которые позволяют читателю «увидеть» другого Достоевского: заговорив, он меняется и начинает казаться моложе своих лет, это не «изнуренный», «сутуловатый и сгорбленный» мужчина, но человек с прямой осанкой —

не надломленный, не сокрушенный тяжелыми жизненными обстоятельствами. Героине поздних мемуаров он «не понравился и оставил тяжелое впечатление»²⁰, но не вызвал у нее жалости. Творческий процесс создания окончательного портрета Достоевского можно проследить, обратившись к **ЧА** и **Сп.** Уже в этих рукописях появляется прямая осанка героя: «Онъ средняго роста,³⁾ держится очень прямо» (**ЧА**) — «Онъ был средняго роста и держался очень прямо» (**Сп.**). Характеристика: «Лицо какое-то измученное⁴⁾ бользненное» — еще присутствует в **ЧА** (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 8 об.). Но в **Сп.** отражена правка и окончательное вычеркивание (первоначально было: «Лицо было измученное и бользненное» — исправлено на: «Выраженіе лица было измученное и бользненное», — затем полностью зачеркнуто (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29593. Л. 15)). Описание, полное острой жалости к писателю, исчезло только в белой рукописи. **ЧА**: «А впечатльнiе было во-истину угнетающее: въ первый разъ въ жизни я видѣла челоуѣка несчастнаго, вѣсьми заброшеннаго и обиженнаго и чувство глубокаго состраданiя и жалости зародились въ моемъ сердцѣ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 20 об.); **Сп.**: «Впечатленіе-же было во-истину угнетающее: въ первый разъ въ жизни я видѣла челоуѣка, умнаго, добраго, но несчастнаго, вѣсьми заброшеннаго, и чу<в>ство глубокаго состраданiя и жалости зародились въ моемъ сердцѣ...» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29593. Л. 26 об.).

Первое впечатление Анны Сниткиной от личного знакомства с писателем было неблагоприятным. Смутил девушку не только внешний вид Достоевского, но и его поведение, показавшееся странным. В последней редакции оно охарактеризовано так: «Он был видимо раздражен и не мог собраться с мыслями. То спрашивал, как меня зовут, то тотчас забывал, то принимался ходить по комнате, ходил долго, как бы забыв о моем присутствии»²¹. В окончательный текст не вошли следующие записи черновика, характеризующие необычное поведение писателя: «*Ѳеодоръ Михайловичъ спросилъ какъ меня зовутъ, я сказала, но онъ тотчасъ забылъ и спросилъ меня снова. Время шло въ разговорахъ*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 9 об.); «*Вообще, онъ былъ какой-то странный: не то грубоватый, не то ужъ слишкомъ откровенный и рѣзкій*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 10).

И внешний вид, и душевное состояние Достоевского, неспособного диктовать при первом приходе стенографистки и перенесшего диктовку на вечер, объяснимы: замучили кредиторы, история со Стелловским, «на днях был припадок» [1, 149–151], не завершён роман «Преступление и Наказание», но главное, как отметил И. Л. Волгин, бывший смертник и каторжник переживал казнь Николая Ишутина, происходившую 4 октября 1866 года — как раз в день прихода стенографистки. Ишутин был помилован в последний момент, подобно петрашевцам, но в тот день Достоевский об этом не знал²³.

³⁾ Далее было: *но*

⁴⁾ *измученное* вписано.

**«Да, дѣйствиѣ происходитъ въ игорномъ городѣ,
который я назвалъ Рулетенбургомъ»**

Сцена первой диктовки Достоевского молодой стенографистке Неточке Сниткиной — яркий пример литературной правки мемуаристки:

Продиктовав несколько времени, Федор Михайлович попросил меня прочесть ему написанное и с первых же слов меня остановил:

— Как «воротилась из Рулетенбурга»? Разве я говорил про Рулетенбург?

— Да, Федор Михайлович, вы продиктовали это слово.

— Не может быть!

— Позвольте, имеется ли в вашем романе город с таким названием?

— Да. Действие происходит в игорном городе, который я назвал Рулетенбургом.

— А если имеется, то вы, несомненно, это слово продиктовали, иначе откуда бы я могла его взять?

— Вы правы, — сознался Федор Михайлович, — я что-то напутал²⁴.

В стенографическом дневнике соответствующий эпизод изложен несколько иначе:

Продиктовав немного, он предложил мне прочитать написанное и с первых его слов меня остановил. Вначале были слова: «Мы были в Париже», или что-то вроде того. «Как в Париже? Разве я вам сказал: в Париже? Не может быть! Я вам сказал: в Рулетенбурге». Я отвечала, что мне сказали «в Париже», иначе с какой бы я стати это написала; он меня просил переписать (*Дневник*, 308).

Итак, согласно дневниковой записи, Достоевский ошибочно диктует «Париж», думая сказать: «Рулетенбург», — то есть делает оговорку, удивляясь допущенной им оплошности. В воспоминаниях, наоборот: он диктует правильно, но затем возражает против верно записанного стенографисткой вымышленного им топонима — «Рулетенбург».

В ранней редакции воспоминаний о знакомстве с Достоевским изложение этого события представляет собой как бы «промежуточный» вариант между рассказом из стенографического дневника и текстом воспоминаний: «На первыхъ порахъ произошелъ смѣшной случай: Когда было немного продиктовано⁵, Ѳ<едоръ> М<ихайловичъ> просилъ перечесть написанное. Начиналось такъ: “Я воротился изъ Рулетенбурга”. — “Какъ изъ Рулетенбурга, я сказалъ изъ Парижа”. — “Нѣтъ, Вы сказали изъ Рулетенбурга”. — “>Я не могъ этого сказать!” — Но позвольте, есть у васъ въ повѣсти названіе “Рулетенбургъ”? — “Есть, такъ называется городъ въ которомъ происходитъ дѣйствиѣ”. — Ну въ такомъ случаѣ Вы непременно его назвали, иначе какъ бы я могла сама придумать это слово. Ѳедоръ Михайловичъ подумалъ⁶ и успокоился» (НИОР РГБ. Ф. 93.ІІІ.5.15. Л. 10–10 об.).

⁵ Было: Когда мы продиктовали, то — исправлено автором: Когда было немного продиктовано

⁶ Было: придумалъ — исправлено автором: подумалъ

Нет сомнений, что аутентичный вариант события передает именно дневник. Но и версия воспоминаний не является простой аберрацией памяти. Литературную правку мемуаристики подтверждает и помета на полях **ЧА**: «Тутъ же была сдѣлана поправка: вмѣсто “⁷⁾ изъ Рулетенбурга⁸⁾” возвратилась “изъ Парижа”». В данной сцене в **ЧА** уже вместо «Парижа» — «Рулетенбург»: «Да⁹⁾, дѣйствіе происходитъ въ игорномъ городѣ, который я назвалъ Рулетенбургомъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 19).

По предположению Б. Н. Тихомирова, высказанному автору статьи, зафиксированная в дневнике оговорка Достоевского («Мы были в Париже») обусловлена тем, что в замысле «Игрока» нашел отражение *парижский* (1863 года) эпизод истории драматических отношений писателя и Аполлиарии Сусловой.

**«...вынулъ двѣ груши, изъ которыхъ
одну подаль мнѣ прямо изъ руки»**

В **ЧА** (как и в дневнике) Анна Григорьевна неоднократно отмечает в поведении Достоевского в первые дни их общения и работы качество, примеры проявления которого убирает в окончательной редакции. Это некоторая бесцеремонность писателя, смущающая молодую стенографистку:

Тутъ Ѳеодоръ Михайловичъ подошелъ къ окну и изъ бумажнаго мѣшечка вынулъ двѣ груши, изъ которыхъ одну подаль мнѣ прямо изъ руки. Мнѣ, при- выкшей дома къ свѣтскимъ обычаямъ, показалась нѣсколько странной подобная бесцеремонность въ отношеніи меня, которую онъ такъ мало зналъ. Но Ѳеодоръ Михайловичъ предложилъ грушу такъ добродушно, что эта бесцеремонность мнѣ понравилась, я взяла грушу и тутъ же съѣла ее моими молодыми зубами, не нуждаясь ни въ какихъ приспособленіяхъ для ея очистки (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 16–16 об.).

Эта запись в черновике перечеркнута красным карандашом. Ср. в дневнике:

Потом он встал, подошел к окну, где у него в бумажном мешке лежали груши, вынул их две и просто из рук подал мне одну. Мне показалось это несколько странным, такая бесцеремонность, ведь мог бы он положить ее хотя бы на тарелку. Я преспокойно взяла и без всякой церемонии съела (Дневник, 307).

На прощанье, Ѳ<еодоръ> М<ихайловичъ> меня очень удивилъ, онъ ска- залъ: «Какой вы большой шиньонъ носите, развѣ Вамъ не стыдно носить чужіе волосы?» Я отвѣтила, что шиньона я не ношу, и что это у меня свои хорошіе¹⁰⁾ волосы. Мнѣ показалось страннымъ и бесцеремоннымъ такое замѣчаніе (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 25 об.).

⁷⁾ Пропуск в рукописи.

⁸⁾ Было ошибочно: Рулетенберга (ред. испр.).

⁹⁾ Было: Ну да — исправлено автором: Да

¹⁰⁾ Незачеркнутый вариант: густые

Ср. в дневнике:

...когда мы выходили из его кабинета в столовую, то он меня ужасно как поразил своей бесцеремонностью: “Какой вы большой шиньон носите, разве не стыдно носить чужие волосы”. Я этому ужасно как удивилась и сказала, что у меня решительно небольшой шиньон и что это мои собственные волосы (Дневник, 308).

Θ<еодоръ> М<ихайловичъ> продолжалъ меня удивлять своими неожиданными, не относящимися къ дѣлу замѣчаніями: то спроситъ, зачѣмъ я ношу такую старомодную шляпу, то скажетъ: <«>а вы опять въ томъ же шелковомъ платьѣ? Я думалъ, вы надѣнете что нибудь попроще». То объявляетъ мнѣ, что имя мое — Анна ему чрезвычайно не нравится, такъ какъ, по его наблюденіямъ, всѣ Анны — существа сдержанныя и сухія. Одинъ разъ онъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ — зачѣмъ я забыла на листкѣ поставить нумерацію. Но все это онъ дѣлалъ такъ добродушно и мило, что мнѣ не приходило въ голову на него сердиться (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 27 об.–28).

Ср. в дневнике:

Иногда мне он казался очень странным. Так, раз заметил мне, когда у меня была на голове Андреевой шляпка: «Какая у вас старомодная шляпка», хотя это была совершенно новая и модная зимняя шляпка. Я отвечала, что он, вероятно, ничего в этом не понимает, а шляпка эта модная. Потом как-то спросил меня, когда я надену зимний салоп; как это было странно, почему он знает, может быть я так бедна, что у меня салопа и нет. Я отвечала, что не скоро, и что я даже зимой салопа не ношу, потому что не люблю носить, и что это чрезвычайный груз. Спрашивал, отчего я не выхожу замуж, я отвечала, что потому что еще никого не люблю, а хотела бы непременно выйти замуж по любви (Дневник, 332–333).

Эта бесцеремонность Достоевского выглядит еще ярче на фоне серьезной и строгой стенографистки:

...вѣдь я буду приходить¹¹⁾ работать, а не для знакомства; къ чему же пустые разговоры; гораздо приличнѣе будетъ¹²⁾ держать себя строго. Θεодоръ Михайловичъ рассказывалъ мнѣ потомъ, что былъ пріятно пораженъ, какъ я, такая молодая, умѣю себя держать. Разговаривая со мной ни въ комъ не могло пробудиться желаніе сказать какое либо лишнее слово, такъ дѣйствовалъ на всѣхъ мой сдержанный тонъ. Я, кажется, даже ни разу не засмѣялась, говоря съ Θεодоромъ Михайловичемъ (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 15 об.).

В **ЧА** во время первого общения с Достоевским «сдержанная» стенографистка смеется лишь однажды:

Мысль что я могу «запить» показала мнѣ до того смѣшной, что я невольно разсмѣялась и ответила: «Нѣтъ, ужъ я навѣрно не запью, вы можете быть въ томъ увѣрены» (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 10 об.–11).

¹¹⁾ Было: *пришла* — исправлено автором: *буду приходить*

¹²⁾ Было: *было* — исправлено автором: *будетъ*

Но в последней редакции в соответствующем месте нет и этого «смеха»: «Мне стало ужасно смешно, но я сдержала улыбку»²⁵.

Возвращение домой молодой стенографистки после первого дня работы у Достоевского в окончательной редакции не описано:

Въ Столярномъ переулкѣ было шумно: выходили пьяные изъ распивочныхъ и мнѣ стало даже страшно. Къ счастью, скоро попался извощикъ¹³⁾, который взялся довести меня до дому за 40 коп. Я очень его торопила тѣхатъ и такъ какъ онъ оказался добродушнымъ старичкомъ, то, чтобы скоротать длинную дорогу, я разговорила съ нимъ о различныхъ предметахъ, а преимущественно о деревнѣ. Наконецъ, я добралась до дому и мнѣ пришлось долго ждать, пока дворникъ могъ къ намъ достучаться: полагая, что я останусь у Сниткиныхъ ночевать, мама велѣла прислугѣ запретить подѣздъ и отпустила ее спать (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 20).

**«...его потребность любить, его страстное желаніе
найти новое счастье, счастье въ семьѣ...»**

Первоначальное чувство неловкости и взаимного недоверия стало исчезать в процессе работы и общения писателя и стенографистки. Достоевский сделал предложение Анне Григорьевне — не прямо, а иносказательно. Он представил ее вниманию сюжет будто бы задуманного произведения о пожилом, больном, перенесшем много жизненных трудностей художнике, влюбленном в молодую девушку по имени Аня:

Душевное состояніе героя въ моментъ начала романа, его полное душевное одиночество, разочарованіе и отчужденіе отъ близкихъ людей, его жажда новой жизни, его потребность любить, его страстное желаніе найти новое счастье, счастье въ семьѣ, были до того живо и талантливо обрисованы, что, видимо, были выношены въ душѣ и выстраданы самимъ авторомъ, а не были только плодомъ его художественной фантазіи (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 52 об.-53).

Анна Григорьевна ответила согласием на предложение Достоевского стать его женой. Экспрессивный монолог счастливой невесты мемуаристка вычеркнула еще в **ЧА**. Но именно он передает ее душевное состояние перед поворотным событием жизни — замужеством:

Скажу лишь, что навряд-ли много существовало на свѣтѣ женщинъ, которымъ довелось слышать признаніе въ любви въ столь восторженныхъ и чарующихъ душу выраженіяхъ, какъ могъ ихъ высказать такой мастеръ слова, какимъ былъ Θεодоръ Михайловичъ.

Можетъ быть, мнѣ не захотятъ повѣрять, что до самаго рѣшительнаго момента я не понимала къ чему клонится нашъ разговоръ, — пусть не вѣрятъ, но это правда²⁶. Я была вовсе не глупая дѣвушка, Θεодоръ Михайловичъ мнѣ очень нравился и я уже начинала его сильно

¹³⁾ Было: *извощикъ-старичекъ* — исправлено автором: *извощикъ*

любить, но даже мысли у меня не являлось о томъ, что я могу быть его женой. Мнѣ представлялось это слишкомъ великимъ, недостижимымъ счастьемъ. Вѣдь Достоевскій съ 15 лѣтъ былъ моимъ кумиромъ и я ставила его выше всѣхъ нашихъ писателей. Я удивлялась его таланту, я благоговѣла передъ нимъ и мысленно стояла предъ нимъ на колыняхъ за тѣ безчисленныя страданія, которыя онъ перенесъ въ своей жизни. Я отъ всей души желала ему счастья, но мнѣ думалось, что это счастье не можетъ дать такая простодушная и немудреная дѣвочка, какою я себя казалась. Мнѣ представлялось, что женою Феодора Михайловича можетъ быть дѣвушка умная, развитая, разносторонне образованная, умѣющая понимать его идеи, помогать ему въ его трудахъ и идти съ нимъ рука объ руку. Такою въ моемъ представленіи была Анна Васильевна Корвинъ-Круковская и я, завидуя, можетъ быть, ея достоинствамъ, все таки была бы счастлива, еслибъ Феодоръ Михайловичъ женился на ней. Была-бы рада, еслибъ началась его новая, болѣе свѣтлая жизнь! И вдругъ это огромное, неожиданное счастье достается на мою долю! Можно вообразить мое душевное состояніе (РГАЛИ. Ф. 212.1.147. Л. 55 об.–56 об.).

С 15 февраля 1867 года — даты венчания Федора и Анны в Троицком (Измайловском) соборе — начался отсчет их 14-летней нелегкой, полной испытаний и трудностей, но счастливой семейной и творческой жизни.

Приведенные в статье примеры редактирования А. Г. Достоевской текста воспоминаний достоверно передают обстоятельства знакомства, атмосферу общения Федора Достоевского и Анны Сниткиной, их работу, особенности характеров, привычки, вкусы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX вв.» (№ 34.1126).

- 1 Из многочисленных «мемориальных» дел А. Г. Достоевской самыми значительными стали издание литературного наследия мужа, организация и попечительство «Музея памяти Ф. М. Достоевского» и церковно-приходской школы его имени в Старой Руссе.
- 2 Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992; Достоевский А. Ф. Анна Достоевская // Женщины мира. 1963. № 10. С. 32–34.
- 3 Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. М., 2015. С. 140–142.
- 4 Дневник А. Г. Достоевской / под ред. Н. Ф. Бельчикова. М.: Новая Москва, 1923. XVI, 390 с.; Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / изд. подгот. [и послесл. написала] С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. 452 с. Далее: *Дневник*; Достоевская А. Г. Последняя любовь Ф. М. Достоевского: Дневник 1867 года / [вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова]. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 459 с.
- 5 Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / [вступ. ст., подгот. текста, примечания И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова]. М.: ООО «Бослен», 2015. 768 с.
- 6 Стенографические записи о знакомстве с Достоевским, входившие в первую из четырех дневниковых тетрадей, были расшифрованы А. Г. Достоевской спустя 27 лет — в 1894 году.

- 7 Достоевская А. Г. Отрывки и черновые наброски «Воспоминаний А. Г. Достоевской» // НИОР РГБ. Ф. 93.III.5.15. Л. 1–22.
- 8 Биография, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. СПб.: Типографія А. С. Суворина, 1883. С. 290–293.
- 9 Страхов Н. Н. Письмо к Достоевской А. Г. От 23.05.1883 // НИОР РГБ. Ф. 93.II.9.21. Л. 15.
- 10 А. Г. Достоевская. Первая встреча: из «Воспоминаний» / публ. С. В. Белова // Неделя. 1971. 13–19 сент. № 38.
- 11 Беловым автографом (рукописью с законченным текстом, предназначенным для чтения) она может называться условно, т. к. содержит исправления, дополнения; некоторые даты, инициалы, фамилии, названия учреждений пропущены с оставлением пробелов в тексте или обозначены знаком вопроса. Это обусловлено забывчивостью мемуаристки и, видимо, желанием уточнить забытое позже.
- 12 РГАЛИ. Ф. 212.1.147. В описи РГАЛИ эта единица хранения ошибочно названа «Беловые автографы отдельных глав в шивных тетрадах». В ходе текстологического анализа сохранившихся рукописей воспоминаний А. Г. Достоевской установлено, что это черновой вариант последней редакции. Добавим, что это единственная рукопись, где главки о знакомстве и первом общении с Достоевским имеют названия (в списке Л. Ф. Достоевской и беловой рукописи этот материал не назван) — «*Мой первый приходъ. Мое первое посещение. Мое знакомство съ Ѳ. М. Достоевскимъ*», «*Второй мой приходъ къ Ѳеодору Михайловичу*»; последняя главка не названа, только обозначена карандашом как «I».
- 13 Достоевская А. Г. Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29593. Л. 1–79 об.
- 14 Там же. Л. 82.
- 15 Фамилия раскрывается по дневнику: «Урок уж начался, когда пришла госпожа Иванова и обыкновенно села около меня. Я сейчас же сказала, что Ольхин нашел мне работу, что она будет стоить 30 рублей, дал мне адрес, и что даже обещал мне 2-х учениц. Она, видимо, была поражена моими словами и даже сразу, как мне кажется, не поверила мне. Она выслушала меня с завистью, сказала, что очень рада за меня и все старалась выпросить, когда именно, в котором часу и к кому. Я сказала — к Достоевскому, в половине 12-го, но адреса не сказала: я боялась, чтобы ей не вздумалось идти туда вместо меня, чтобы меня заменить или как-нибудь постараться помешать мне взять на себя эту работу, и адреса я ей все-таки не сказала, а сказала, что знаю, что в Столярном переулке, а адрес вынимать уж слишком долго» (*Дневник*, 300).
- 16 НИОР РГБ. Ф. 93.III.5.15. Л. 5.
- 17 Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. С. 106.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 108.
- 20 Там же. С. 110.
- 21 Там же. С. 109.
- 22 Там же.
- 23 Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. С. 112–113.
- 24 Там же. С. 110.
- 25 Ср. в дневнике: «Мне и тогда уж казалось, что он мне непременно сделает предложение, и я решительно не знала, принять ли мне его или нет» (*Дневник*, 332).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волгин, И. Л. Последний год Достоевского / И. Л. Волгин. — Москва : Сов. писатель, 1986. — 576 с.
2. Гроссман, Л. П. А. Г. Достоевская и ее «Воспоминания» / Л. П. Гроссман // Достоевская А. Г. Воспоминания. — Москва ; Ленинград, 1925. — С. 7—18.
3. Кирсанова, Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века / Р. М. Кирсанова. — Москва : Книга, 1989. — 286 с.
4. Тихомиров, Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий / Б. Н. Тихомиров. — Санкт-Петербург : Серебряный век, 2005. — 460 с.
5. Тихомиров, Б. Н. Адреса Достоевского в Петербурге: критический анализ источников и экспертиза краеведческих публикаций / Б. Н. Тихомиров // Неизвестный Достоевский. [Электронный ресурс] : международный электронный журнал. — 2015. — № 1. — С. 68. — URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf (05.08.2016).

Irina S. Andrianova

*Ph. D. in Philology,
Head of Web-laboratory
of the Faculty of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru*

**“I AM HERE TO WORK,
NOT TO MAKE THE ACQUAINTANCE”:
FEDOR DOSTOEVSKY AND ANNA SNITKINA**

Abstract. 150 years ago, on October 4th (October 17th), 1866, a stenographer Anna Snitkina came to work to the writer Dostoevsky. So, she made a life-changing acquaintance of him, which culminated in a happy marriage and a successful creative collaboration. The subject the acquaintance of Fyodor Dostoevsky and Anna Snitkina is popular in Art and literature: it is embodied in the biographical researches, fiction, drama, cinema. At the heart of this publication there are the results of studying the creative process of writing memories by Anna Dostoevskaya about her acquaintance of the writer and their collaboration on the novel “The Gambler”. The author of the article has made a textual study of the extant editions and drafts of biographical memories of that period of Dostoevsky and his bride, made a comparison with the verbatim records of the diary of 1867. As a result, there were brought to light and considered auto censorial corrections and fragments that were not included in the last edition of memoirs at the discretion of the memoirist. These episodes of a draft manuscript are similar to verbatim records of the diary that are of greater factual certainty than memoirs. They reliably convey the circumstances and atmosphere of the first meeting of Fyodor Dostoevsky and Anna Snitkina, their work, communication problems, particular traits of characters, habits and tastes.

Keywords: Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, the memoirs, acquaintance, shorthand, the versions of edition

REFERENCES

1. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo* [*The Last Year of Dostoevsky*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986. 576 p.
2. Grossman L. P. A. G. Dostoevskaya i ee "Vospominaniya" [Anna Dostoevskaya and Her "Memoirs"]. *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya* [*Dostoevskaya A. G. Memoirs*]. Moscow, Leningrad, 1925, pp. 7–18.
3. Kirsanova P. M. *Rozovaya ksandreyka i dradedamovyy platok. Kostyum — veshch' i obraz v russkoy literature XIX veka* [*A Pink Cotton Fabric and a Drap-de-dames Kerchief. The Suit as a Piece of Cloth and an Image in Russian Literature of the 19th Century*]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 286 p.
4. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy* [*"Lazarus! Ridge over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 460 p.
5. Tikhomirov B. N. Adresa Dostoevskogo v Peterburge: kriticheskiy analiz istochnikov i ekspertiza kraevedcheskikh publikatsiy [Dostoevsky's Addresses in St. Petersburg: Critical Analysis of Sources and Examination of Regional Publications]. *Neizvestnyy Dostoevskiy. Mezhdunarodnyy elektronnyy nauchnyy zhurnal* [], 2015, no. 1, pp. 38–103. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf (accessed 05 August 2016).

Дата поступления в редакцию: 30.08.2016